

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Русско-английские и англо-русские политические отношения в XVIII веке нельзя назвать союзническими, дружескими или хотя бы дружеско-любными. Лишь иногда они были проникнуты, по осторожному выражению автора этой книги, “известным чувством товарищества”, не более. Вереницу взаимных “недружелюбий” можно начать с 1719 г., когда английская эскадра, впервые прибывшая к берегам России под командой адмирала Джона Норриса, осуществляла блокаду молодого русского флота на его базах в Ревеле и Кронштадте. Оборвать же этот перечень можно фактом участия России в так называемой “Континентальной блокаде” Великобритании в начале XIX века. Причины прохладных отношений России и Великобритании в течение XVIII века многосложны, но главным оставалось острое соперничество этих двух могущественных империй за влияние на Балтике, в Северной Германии, а также неприятный англичанам устойчивый австро-русский союз, являвшийся долгие годы основой русской политики в Европе. Впоследствии тень на русско-английские отношения набрасывала длительная борьба за влияние на Босфоре, на северных границах Британской Индии и на Дальнем Востоке. Все это приводило к возникновению “провалов равнодушия” в межгосударственных отношениях, взаимным интригам, вражде и войне. Память о “Долине смерти” под Балаклавой и огромном “Юнион Джеке”, развеваемом над залитым кровью Малаховым курганом Севастополя, была долго болезненна для наших двух народов.

Между тем, отношения Англии и России не ограничивались имперскими конфликтами. Английских купцов радушно принимали их русские партнеры, британский бизнес считался образцовым, а репутация английского предпринимателя была в России весьма высокой. Английская сдержанность, честность, верность слову, неподражаемый английский юмор, солидность и предприимчивость — все эти черты национального характера ценились и даже преувеличивались русскими людьми. В исторической памяти русского народа это перешло с уважением перед непостижимыми для России политическими ценностями Британии, гарантиями свободы личности, совести, собственности и печати. Английские политические порядки на протяжении столетий казались в России образцом, неким мерилom, по которому оценивался режим в России и его будущее. Недаром Петр Великий, возражая своим заграничным оппонентам, обвинявшим царя в склонности к тирании,

говорил: “Английская вольность здесь не у места, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять”.

Наша культура пропитана английскими образами и реминисценциями. С детских лет и до старости книги английских писателей сопровождают нас по жизни, английские пьесы, фильмы, музыка относятся к числу любимых в России. В целом, образ Англии в русском национальном сознании окрашен положительными эмоциями, вызывает добрые чувства. Мне никогда не забыть позднюю петербургскую осень 1994 года, когда на Английской набережной, возле королевской яхты Елизаветы II и британского фрегата сопровождения толпились тысячи петербуржцев. Впервые за многие годы это была добрая, благожелательная толпа, без ставшего привычным для нас ожесточения и ненависти. Глядя на марш английских моряков, старики вспоминали такие же парады в Мурманске, наше незабываемое братство по оружию в самой страшной войне, которая выпала на долю наших народов, а молодежь просто глазела и веселилась. В этой радостной, никем не управляемой манифестации, в этом праздничном оживлении на обычно пустынной набережной я увидел проявления добрых чувств к Англии, ее великой культуре и ее великому народу.

Корни этих симпатий очень глубоки и разветвлены. Мы это хорошо понимаем, когда берем в руки огромный том М.П. Алексева “Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века) (М., 1982). Но литературные связи — лишь часть того разнообразного культурного общения, которое существовало между нашими народами в XVIII веке. Книга Энтони Глена Кросса “У темзских берегов”, написанная в 1980 г. и теперь впервые переведенная на русский язык, открывает для широкой читательской аудитории в России целый культурный пласт русско-английских отношений. Эта книга написана крупнейшим на сегодняшний день английским знатоком русского XVIII века. Профессор Кембриджского университета, член Британской академии наук Э.Г.Кросс является уникальным специалистом даже среди множества высокопрофессиональных филологов и историков-русистов за пределами России. Его перу принадлежат несколько книг и десятки статей преимущественно о русско-английских литературных и культурных связях. Исследования о Н.М.Карамзине, о русских в Англии и англичанах в России, публикации записок западноевропейских путешественников, побывавших в России, проведение конференций и издание сборников работ о русско-английских и англо-русских отношениях в интеллектуальной сфере — эти и многие другие труды профессора Кросса внесли огромный вклад в изучение России XVIII века и обеспечили ему славу блестящего ученого-русиста среди русских ученых и их коллег из других стран. Славен Энтони Кросс и тем, что в России принято называть “организацией науки”. Благодаря инициативе и усилиям профессора Кросса вот уже почти тридцать лет (!) существует и плодотворно работает в Британии Группа по изучению России XVIII века. Она получила

международное признание, и состоять ее членом считают для себя за честь ученые из многих стран мира. С 1973 г. голубые книжки Бюллетеня Группы стали привычными для историков и филологов русского XVIII века. Они воплощают реальное и действенное международное научное сотрудничество, у истоков которого стоит прекрасный ученый и обаятельный человек — кембриджский профессор Энтони Кросс.

Трудам Кросса неизменно сопутствует успех, причины которого не только в энциклопедизме, глубине, важности поднятых ученым проблем, а также в его прекрасном литературном стиле, но и в огромной любви к историческому источнику. Архивные изыскания для Э.Кросса — подлинная страсть, которая с годами не ослабевает. Вероятно, в Англии нет ни одного государственного или частного архива, где бы не работал профессор Кросс. Тщательно изучены им и российские архивы. Читатель может увидеть гигантскую подготовительную работу Э.Кросса уже по этой книге — ее документальный фундамент прочен и велик. И удача благосклонна к Э. Кроссу. Есть научные книги, которые с годами не стареют. Раз созданные автором, такие книги могут существовать бесконечно долго. Новые поколения ученых могут в чем-то дополнить, исправить приведенную в книге информацию, но повторить целиком проделанную автором книги работу им не по силам. Фундаментальное исследование Энтони Кросса “У темзских берегов” относится к таким книгам. Источник ее долговечности — в разнообразии, многочисленности приводимых исторических фактов, открытых и изученных автором впервые. Это золото фактов Энтони Кросса не потускнеет никогда.

Исследование Кросса о русских в Великобритании ценно и своим глубоко научным, лишенным всякой конъюнктуры, подходом. Автор поставил строго научную цель проследить судьбы русских людей, высадившихся на английский берег в XVIII век и вошедших в жизнь английского народа как гости, дипломаты, ученики. Длинный ряд этих людей проходит перед читателями. В конце книги приводится уникальный список, включающий более 500 фамилий русских, побывавших в Англии в XVIII веке. Это и очень известные деятели русской истории, такие как дипломаты кн. Антиох Кантемир, кн. И.А.Щербатов, братья Воронцовы, кн. Е.Р.Дашкова, Н.М.Карамзин и почти безвестные, скромные студенты, переводчики, священники. Каждому уделено место, о каждом сказано по возможности все, что только донесли до нашего времени английские и русские архивы. Для автора этой книги все русские люди в Англии XVIII века интересны. В умении извлечь человеческую судьбу, подчас в других книгах и статьях “загнанную в краткую и малоинтересную сноску”, показать нам жизнь и деятельность каждого россиянина, проследить его историю после возвращения в Россию — одно из главных достоинств книги и исследовательского таланта Энтони Кросса.

По-разному складывалась жизнь героев книги Кросса. Одни достигли на английской земле выдающихся успехов, другие незаметно исчез-

ли, не оставив после себя ничего, кроме нескольких строк в официальных документах. Но все же мы видим, сколь велико было для них обаяние Великобритании, как быстро завязывался с нею “роман”, как естественно они усваивали ценности ее культуры, были благодарны учителям, открывавшим перед ними секреты своей профессии, будь то университетский профессор, изобретатель, фермер или моряк. И вчерашний подданный самодержца, в сущности “государев холоп”, преображался, становился другим человеком. Завершив учебу, получив высокое звание, он оказывался наделен “всеми правами и преимуществами природного англичанина”. А это немало! Но потом его ждала Россия, родина, где отшлифованный английской выучкой талант, обширные знания не всегда были и нужны. По книге Кросса можно представить ощущения такого русского человека, который “был предан стране, где родился, и глубоко привязался к стране, где он жил”, в котором англофильство должно было ужиться с естественной любовью к родине. Читая книгу Кросса, с горечью понимаешь, что с древних времен в нашей стране традиционно неумение ценить своих людей, поощрять таланты, видишь, как много блестящих специалистов, на которых было потрачено столько денег, которые были выучены, выпестованы в лучших английских университетах, исчезали на бескрайних просторах России, пропадали в неизвестности. И дело не только в бездушии чиновников, но и в разительном отличии друг от друга фундаментальных основ общественной жизни Великобритании и России. Что проку от передовых навыков и приемов агрикультуры, которые усваивали русские на полях Британии, если они могли помочь получить обильные плоды только свободному пахарю, хозяину, работающему на своем поле, огражденном не столько межей, сколько священным, неотторжимым правом собственности?

Но все же книга Э.Кросса показывает, что усилия английских учителей в конечном счете не пропали даром. Понятия профессионализма, терпимости, свободы навсегда запечатлевались в сознании россиян, вернувшихся с берегов Темзы на берега Невы, они передавали их своим ученикам, а те — своим, и так волна этого доброго, благотворного английского культурного влияния во многих сферах русской жизни не затихала никогда. Об истоках этого феномена, о самом начале этой, не прерывающейся и обогащающей наше взаимное существование, англо-русской культурной связи и написана книга Энтони Кросса, которая все остальное скажет сама за себя.

Евгений Анисимов
С.Петербург, март 1994 года.

МОИМ РУССКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Я рад тому, что через месяц после завершения рукописи моей книги о британцах в России в XVIII в. (она выйдет в конце 1996 г. в издательстве Cambridge University Press) мне предстоит прочитать и внести исправления в русский перевод моей более ранней работы, посвященной россиянам в Британии в тот же период. Прошло уже 15 лет с тех пор как вышла в свет книга “У Темзских берегов”; перечитывая ее, я вижу, что не так уж много хотел бы изменить в ней — кроме исправления некоторых фактических ошибок. Их появление объясняется самонадеянностью, или ленью, или неведением, или всем вместе. Однако мне хотелось бы думать, что обширный материал, на котором основывалось это исследование — как опубликованные источники и литература, так и, в особенности, архивные собрания Великобритании и России — остается большей частью неизвестным и неиспользованным в России, и что моя книга была написана без предвзятости и с самым бережным отношением к фактам. Англо-русские связи в прошлые века — это очень интересная и важная тема, изучению которой может пойти лишь на благо интеллектуальная свобода и дух научной беспристрастности, ставшие возможными в новой России.

Перевести мою книгу не так уж просто, и я искренне благодарен Нине Леонидовне Лужецкой за отличный перевод и чуткость к особенностям и ритму моей английской прозы. Я польщен тем, что перевод выходит под редакцией профессора Евгения Анисимова, и я признателен ему за предисловие, которое он взялся написать к русскому изданию. Публикация книги предпринимается по предложению издательства “Академический проект” и я очень рад, что являюсь первым британским автором в его новой серии, однако без щедрой финансовой поддержки Британской Академии это начинание было бы невозможно.

Кембридж, сентябрь 1995

ОТ АВТОРА

Несколько лет я собирал материалы и писал предварительные статьи по теме пока еще не законченной книги о британской колонии в Петербурге в XVIII в., и в октябре 1974 г. в очередной раз приехал в Ленинград поработать с источниками. Именно тогда мне довелось в Институте русской литературы ознакомиться с архивом А.А.Самборского, долгие годы прослужившего священником в церкви русского посольства в Лондоне в царствование Екатерины II. Эти документы, в которые прежде буквально никто не заглядывал, оказались кладезем сведений, не только позволяющих проследить за весьма разнообразной деятельностью самого Самборского, но и установить, кем были и чего искали многочисленные россияне, приезжавшие в то время в Англию. Мой интерес к этой стороне англо-русских отношений, как и к судьбам англичан в России, был не нов: еще в 1964 г. вышла первая моя статья (она переработана в заключительную главу этой книги), посвященная рассмотрению одного частного случая. Теперь же общая пестрая и фрагментарная картина начала принимать определенные очертания, и многие доселе случайные куски головоломки встали на места. Дальнейшие поиски в британских архивах и обращение к бесчисленным опубликованным источникам и исследованиям позволили мне написать работу, которая освещает проблему со всех сторон и, надеюсь, с исчерпывающей полнотой; до сих пор не существует такого рода исследований о россиянах, живших в определенный период в каком бы то ни было иностранном государстве, хотя есть различные статьи и даже монографии о русских во Франции, Германии и Италии. Эта книга была задумана и написана как отдельное исследование, но, по предложению моих издателей, предлагается вниманию читателя как первый из двух томов, посвященных англо-русским связям в XVIII в. В работе о британцах в России, которая должна за нею последовать, неизбежно обнаружатся близкие параллели, но также и явные отличия и расхождения, поэтому она не станет зеркальным отражением этой книги.

Во время работы над настоящим исследованием я пользовался финансовой поддержкой нескольких учреждений, консультациями и помощью многих людей. Я хочу выразить благодарность фонду Леверхалм, финансировавшему мою поездку в Советский Союз в 1974 г., организованную Британским советом и Академией наук СССР; ректору и сотрудникам оксфордского колледжа All Souls за исследовательские стипендии в рождественском и летнем семестрах 1978 г., благодаря которым я дописывал оставшиеся главы в самой цивилизованной и благожелательной обстановке, какую можно себе представить; Университету

Восточной Англии, предоставившему мне творческий и очередной отпуск. Я признателен также членам Группы по изучению России XVIII в., которые позволяли мне выступать на ее заседаниях, и в особенности д-ру Роджеру Бартлетту и проф. Роду Хоуму, читавшим отдельные главы и поделившимся своими замечаниями. Многочисленные библиотекари и сотрудники архивов в Москве, Ленинграде, Бирмингеме, Эдинбурге, Лондоне и Оксфорде оказали мне громадную помощь. За разрешение цитировать в моей работе материалы, опубликованные на страницах таких периодических изданий, как "Journal of European Studies", "Oxford Slavonic Papers", "Slavonic and East European Review" и "XVIII век" я хочу поблагодарить их редакторов. Я весьма обязан миссис Берил Рэнвелл, как всегда, великолепно перепечатавшей рукопись. Наконец, теперь, когда работа окончена и воцарился покой, я могу лишь сказать "спасибо" своим родным за то терпение и понимание, которое они проявляли в самое горячее время.

Норвич, ноябрь 1978 г.

ВВЕДЕНИЕ

Вокруг “открытия” англичанами России в 1553 г. поднимают большой шум — и не без причины, особенно вокруг существенных коммерческих выгод, от него проистекших; однако поскольку, если речь заходит о первенстве в открытиях и изобретениях, русские никому не уступят, то они выдвинули 1524 г. как дату, когда первый русский ступил на английскую землю. В том году Василий III, в ответ на предложения Карлоса V Испанского установить дипломатические отношения между его страной и Московией, отправил в Испанию посольство во главе в князем Иваном Засекиным-Ярославским. Случилось так, что Засекин-Ярославский с секретарем (иначе — дьяком) Семеном Трофимовым, вынужденные миновать Францию, поехали в Испанию через Фландрию и Англию. Больше об этом ничего не известно, и мы бы выдали желаемое за действительность, предположив, что приезд русских произвел в Лондоне сильное впечатление, и что Уиллоуби и Кэбота подстегнул отправиться в Россию именно этот визит и заманчивые русские меха.¹

К какому бы году мы ни относили начало контактов между Московией и Англией — к 1524 или к 1553 — все равно есть свидетельства о гораздо более ранних связях, восходящих к периоду до татарского “ига”. М.П.Алексеев исследовал отношения между Киевской Русью и государством англо-саксов в XI в. и пришел к выводу, что при дворе Ярослава Мудрого побывали принцы Эдвин и Эдвард, сыновья Эдмунда Железнобокого, спасшиеся бегством после смерти своего отца в 1016 г. и нашествия датчан на Англию. Надежнее подтвержден документами приезд в Киев несколько позднее в том же веке принцессы Гиты, дочери короля Харольда, просватанной за Владимира Мономаха.² Но обычно все упускают из виду еще одного претендента на почетное звание “первого россиянина в Англии” — некоего рабби Айзу, или Исаака, из Чернигова, который, согласно еврейскому историку Джозефу Джэкобсу, прибыл в Англию в 1181 г.³

Эти ранние контакты, сколь они ни любопытны, носили случайный характер, совершенно не свойственный отношениям, соединявшим Московию с Англией при Иване Грозном и Елизавете I. О том, насколько Московия занимала воображение елизаветинской Англии, и в первую очередь — ее поэтов и драматургов, написал исчерпывающее исследование М.П.Алексеев,⁴ и здесь уместно лишь отметить, что кроме “рассказов странников” (главным образом, из огромного собрания Ричарда Хаклюйта), на англичан воздействовало и присутствие русских послов со свитой в экзотических нарядах. Дипломаты оставались самы-

ми привычными из все еще диковинных русских гостей на протяжении всего XVII в., хотя Англия принимала и случайно попадавших сюда беглых рабов из России,⁵ и, что еще важнее, первых русских студентов.

В 1602 г. Борис Годунов, этот просвещенный, но пользующийся столь дурной славой русский царь, решил послать восемнадцать молодых людей группами по шесть человек во Францию, Англию и Германию учиться иностранным языкам и готовиться к службе в дипломатическом ведомстве — Посольском приказе. В конце концов пятеро отправились в Любек, четверо в Англию, а во Францию, кажется, никто. Поздним летом 1602 г. Микифор Олферьевич Григорьев, Софон Михайлович Кожухов, Федор Семенович Костомаров и Казарин Давыдов прибыли в Лондон, где о них было сказано: “К нам сюда приехали четверо юношей из Московии учиться нашему языку и латыни, и их разошлют по разным школам, в Винчестер, Итон, Кембридж и Оксфорд.”⁶ Однако лишь один Григорьев, известный в Англии как Микифор Алфери, кажется, вступил на университетскую стезю и в апреле 1609 г. попал в число студентов кембриджского колледжа Св. Иоанна, а затем перешел в Клэр-колледж. В 1611/12 г. он получил степень бакалавра — первый русский, удостоившийся степени одного из двух старейших английских университетов.⁷ В 1615 г. он сделался священником англиканской церкви. К этому времени другие двое из молодых россиян отправились в Индию, где их ждала смерть в сражениях с голландцами, а третий находился в Ирландии. Русские власти несколько раз пытались вернуть их в Россию, но тщетно. Григорьев умер в 1668 г., прослужив 50 лет священником в Вулли, Хантингдоншир, причем в 1743 г. пуритане временно изгнали его из прихода.⁸

Несмотря на печальный, с российской точки зрения, итог эксперимента царя Бориса, царь Михаил Федорович решил послать в Англию в 1617 г. еще одного студента. Иван Иванович Алманзенов, сын переводчика Посольского приказа, отправился в Кембридж, где изучал английский, латынь и греческий. В 1629 г. он продолжал образование за границей, во Франции и Италии, и царя заверяли, что вернувшись оттуда в Англию, он примется за изучение медицины в Кембридже и в Лондоне. Еще через два года эти обещания повторились в письме Иакова I, но остается неизвестным, вернулся ли Алманзенов, или Джон Элмсон, как его звали в Англии, когда-нибудь в Россию, чтобы печься о царском здоровье.⁹

На фоне этих редких и неудачных образовательных начинаний или дипломатических миссий, жестко ограниченных в свободе действий и имевших узкие цели, Великое посольство Петра I предстает во всей своей значительности. Визит, который царь вместе со своим окружением нанес в Лондон в начале 1698 г., стал ключевым событием — и по существу, и как символ того четко выделяющегося периода англо-русских отношений, каким стал XVIII в. Этот визит был и по-прежнему остается предметом многочисленных детальных изысканий как русских, так и

английских историков, и представляется излишним здесь на нем специально останавливаться; впрочем, конечно же, некоторые обстоятельства царского посещения — интерес Петра к флоту и к науке, его поездка в Оксфорд — служат отправными точками для глав этой книги.¹⁰

Увлечение англичан личностью и деяниями Петра не ослабевало все XVIII столетие и поддерживалось не только его личными контактами с их страной, но и целым потоком биографий русского царя, собраний анекдотов, панегирических поэм и драматических произведений о нем, выходивших в свет как нельзя регулярно.¹¹ Лишь в лице Екатерины II в России появилась новая колоритная личность, способная оспаривать у Петра внимание англичан. Именно в правление этих двух монархов контакты между их странами достигали своего пика, и если приток британцев в Россию был весьма внушительным, то и приток россиян в Британию был довольно заметным. Именно этой последней стороне англо-русских связей — вопросу, едва ли даже поставленному в науке и скупому освещенному в источниках — и посвящается настоящее исследование.

Было бы неверно, не говоря уже о нескромности, заявить, что совершенно ничего на эту тему написано не было, но за исключением единственной монографии — двухтомного труда профессора В.Н.Александренко “Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в.”, изданного в Варшаве в 1897 г., и очень ограниченного числа статей, внимание исследователей сосредоточивалось обыкновенно на отдельных людях или на конкретных случаях и эпизодах. Было бы также самонадеянным делать вид, будто визиты в Англию с различными целями таких особ, как князь Антиох Кантемир, граф Семен Воронцов, княгиня Екатерина Дашкова, Семен Десницкий, Василий Петров и Лев Сабакин не известны достаточно широко, но даже специалисты по истории России XVIII в. затруднились бы назвать еще два десятка человек. Список, которым дополнена эта работа, наверняка содержит сотни совершенно забытых и впервые извлекаемых на свет в XX в. российских имен, но сверх того, что еще важнее, в нем значатся десятки людей, прославившихся в различных сферах деятельности, в чьих биографиях английская страница нередко представляет собой полную неожиданность.

Заполнение этой страницы в биографиях множества более или менее известных людей, тем не менее, не составляло главной цели данной работы, как, кстати, и составление длиннейшего из когда-либо существовавших списков их имен, хотя сами по себе эти занятия не лишены интереса и ценности. Книга была задумана как исследование деятельности русских в Великобритании на протяжении целого столетия и анализ того, как важные замыслы Петра развивались, расширялись или уходили в забвение.

Рассмотрение характера занятий россиян в Британии определило структуру книги, построенной скорее по тематическому, чем по хронологическому принципу. Тем не менее, внутри каждой главы тема излагается в хронологическом порядке, хотя исходный пункт, естествен-